

A man with a beard and mustache, wearing a dark blue naval officer's uniform with gold buttons and epaulettes, stands on a rocky shore. In the background, a stone fort is on fire, with thick black smoke rising into the sky. A large sailing ship is visible on the water to the right. The overall atmosphere is somber and historical.

ЖОРА ХАРАКС

Балаклава: война на трех океанах

ЖОРА ХАРАКС

Балаклава: война на трех океанах

«Автор»

2026

ХАРАКС Ж.

Балаклава: война на трех океанах / Ж. ХАРАКС — «Автор»,
2026

Эту войну назовут Крымской, хотя она дойдёт до Балтики, Белого моря и Тихого океана. В сентябре 1854 года капитан Николай Берг приезжает в Крым и обнаруживает, что противник знает его маршрут раньше, чем должен. Его агент убит, документы исчезли, а на бумагах остаются три точки, смысл которых никто не понимает. Берг привык доверять фактам. Пластун Архип Попов — людям. Между ними проходит расследование, война и судьба Марии Воронцовой, слишком близко подошедшей к тайной сети. Старые легенды, православные святыни, госпитали, бастионы и новые технологии соединяются в одном вопросе: можно ли победить систему, если каждый её участник знает лишь малую часть? И что останется от человека, если ради доказательства он слишком долго не замечает людей рядом?

© ХАРАКС Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
СОДЕРЖАНИЕ	6
ПРОЛОГ	7
НУЛЕВАЯ МИРОВАЯ	7
ЧАСТЬ I. ВРАГ ЗНАЕТ РАНЬШЕ	9
ГЛАВА 1	10
ПРИБЫТИЕ В СУМЕРКИ	10
ГЛАВА 2	29
ГОЛУБОЙ САФЬЯН	29
ГЛАВА 3	49
ЯБЛОЧНАЯ РЕКА	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

ЖОРА ХАРАКС

Балаклава: война на трех океанах

Глава

ЖОРА ХАРАКС
БАЛАКЛАВА:

ВОЙНА НА ТРЁХ ОКЕАНАХ
Исторический детектив

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Нулевая мировая
Глава 1. Прибытие В Сумерки
Глава 2. Голубой Сафьян
Глава 3. Яблочная Река
Глава 4. Золотая Приманка
Глава 5. Ярость Природы
Глава 6. Мучная Петля
Глава 7. Слухачи
Глава 8. Сигналы Херсонеса
Глава 9. Святая Бастионов
Глава 10. Токсический Форсаж
Глава 11. Схватка У Сапун-Горы
Глава 12. Наплавной Мост
Эпилог

ПРОЛОГ

НУЛЕВАЯ МИРОВАЯ

Эту войну называли Крымской. Слишком маленькое название. В России говорили ещё — Восточная. Тоже мало.

Потому что война шла не только за Крым и не только за Восток. Она шла за право решать, каким будет следующий мир. Старые империи спорили о вере, проливах, торговле и влиянии. Россия видела себя хранительницей православного Востока и великой сухопутной державой.

Османская империя боролась за выживание и собственное пространство. Британия защищала морские пути и равновесие сил. Франция возвращала себе роль великой европейской державы. Каждая сторона считала себя защитницей порядка.

И почти каждая — противника угрозой цивилизации. Так рождаются войны. А потом рождаются мифы о том, почему они начались.

* * *

Война быстро перестала помещаться в Крыму. Балтика. Белое море. Кавказ.

Дунай. Чёрное море. Тихий океан. У Петропавловска стреляли те же державы, что под Севастополем.

У Соловецкого монастыря корабельные пушки били по стенам, над которыми звонили колокола. На Балтике союзные эскадры подходили к русским крепостям. Тысячи вёрст разделяли эти места. Война была одна.

Позднее её назовут первой современной. Иногда — почти нулевой мировой. Не потому, что весь мир воевал. Потому что впервые война так ясно показала: расстояние перестаёт спасать.

* * *

Паровые корабли шли против ветра. Телеграф сокращал пространство. Газеты превращали поражение в политический кризис прежде, чем высыхала кровь. Железные дороги ускоряли снабжение.

Фотография сохраняла то, что раньше можно было превратить в красивую легенду. Старая война ещё молилась перед боем. Новая уже считала минуты.

* * *

Но главным оружием становилась не техника. Знание. Кто раньше узнает. Кто быстрее передаст.

Кто соединит мелочи. Количество подвод. Запас воды. Время выхода.

Маршрут курьера. Открытая дверь. Привычка офицера. По отдельности — почти ничто.

Вместе — намерение.

* * *

Империи создавали собственные мифы. Россия рассказывала о святом долге и осаждённой крепости. Британия — о защите Европы от русского расширения. Франция — о возвращённой славе.

Османы — о защите государства и веры. Солдаты создавали мифы проще. О святом, который отвёл пулю. О горе, которая требует кровь.

О море, которое предупреждает звоном. О городе, который нельзя взять, пока жив последний защитник. Миф был быстрее истории. И часто переживал её.

* * *

Но настоящая опасность находилась между мифом и фактом. Человеку хотелось одного виновника. Одного предателя. Одного шпиона.

Одного имени. Так спокойнее. Однако новая война уже могла работать иначе. Один сообщает время.

Другой — место. Третий открывает канал. Никто не знает всей картины. Но картина возникает.

* * *

В сентябре 1854 года Николай Берг ещё искал человека. Он не знал, что ему придётся искать систему. Не знал, что война дойдёт от Балтики до Тихого океана. Не знал, что старые легенды окажутся иногда полезнее рапортов, а точные бумаги — опаснее слухов.

И не знал главного:

иногда, чтобы погубить человека, не нужен великий заговор. Достаточно, чтобы несколько людей вовремя сделали по одной маленькой вещи. Для Берга нулевая мировая началась не с пушечного выстрела. Она началась с того, что кто-то узнал его время раньше, чем должен был.

ЧАСТЬ I. ВРАГ ЗНАЕТ РАНЬШЕ

ГЛАВА 1

ПРИБЫТИЕ В СУМЕРКИ

5 сентября 1854 года. Даты здесь и далее — по русскому календарю. Дорога в Крым начиналась с пыли. Сам Крым был ещё впереди. До Перекопа оставалось около двадцати вёрст, но степь умела делать расстояния длиннее. Она была ровной, выжженной и почти бесцветной. Редкая трава лежала под ветром, как старая щетина. Колодцы попадались реже, чем обещали дорожные записки. Вдали временами возникала тонкая линия перекопского вала, исчезала и снова появлялась, будто земля сама не решила, пропускать человека дальше или нет.

Николай Карлович Берг сидел в дорожной коляске и смотрел на эту линию. Хорошее место для человека, который хотел приехать незаметно. И плохое — для человека, которого уже ждали. По официальному расписанию Берг должен был пройти Перекоп только завтра. В Севастополь — прибыть 7 сентября, не позднее девяти вечера. Так стояло в бумагах Третьего отделения, в почтовом предписании и в копии маршрута, которую получили в Крыму.

Вчера утром он сам сделал бумагу ложной. На станции не оказалось казённых лошадей. Смотритель, человек с лицом, привыкшим сообщать чужие несчастья как природные явления, развёл руками.

— К вечеру.

— Во сколько?

— Как Бог даст.

Берг посмотрел на часы. Бог в Петербурге расписания не утверждал.

— Частные есть?

Смотритель перестал разводить руками. Частные были. Дороже. Хуже. И сейчас. Берг заплатил, отказался от ночлега и приказал менять лошадей без обычной задержки. Он никому заранее не сообщил, что ускоряет путь. Не посылал курьера. Не менял бумаги. Не требовал особых распоряжений. О решении знали: он сам, станционный смотритель, кучер и конюх, который подводил лошадей. Четыре человека.

И ни один не должен был понимать, зачем кому-то в Крыму важно знать, приедет Берг на сутки раньше или позже. Вчера это казалось достаточным. Сегодня — уже нет. Он вспоминал дорогу не по крупным событиям, а по мелочам, которые тогда не заслужили внимания.

На предыдущей станции кто-то спросил кучера, нужно ли долить воду в две дорожные бочки.

— Не надо, — ответил тот. — До старого колодца дотянем.

Обычная фраза. Чуть позже другой человек, помогавший переставлять сбрую, поинтересовался, сколько подвод идёт следом.

— Две.

Ещё дальше мальчишка спросил:

— К Перекопу завтра?

Кучер ответил:

— Сегодня.

И получил медяк за то, что придержал дверь. Ни одного вопроса Берг тогда не отметил. Теперь вспоминал именно потому, что каждый был совершенно безобиден. Он достал блокнот.

Написал три строки:

ВОДА.

ПОДВОДЫ.

СЕГОДНЯ.

Посмотрел. По отдельности — дорожная болтовня. Вместе — уже больше. Он хотел добавить четвёртую строку, но коляска резко дёрнулась.

Кучер натянул вожжи.

— Барин.

— Что?

Он показал вперёд. У самой дороги лежал человек. Не как спящий. Слишком прямо. Берг посмотрел на часы.

Без четверти два.

— Стойте.

Он вышел.

— Лошадей держать. Следы не топтать.

Кучер испуганно посмотрел на землю.

— Какие?

— Пока никакие.

Мужчина лежал лицом вверх. Около сорока. Хорошая дорожная одежда. Карманы вывернуты. Часы исчезли. Деньги тоже. Но сапоги остались — хорошие, крепкие, дорогие. Первое неправильное. Один сапог был в пыли почти до голенища. Второй — удивительно чистый. Второе неправильное.

Крови под головой оказалось мало. Удар по затылку тяжёлый. Земля сухая. Третье. Берг присел. Тело не трогал. Чуть дальше в колее — маленькое тёмное пятно. След колеса. Копыта. Сбитая трава. Около пятна земля была примята сильнее.

Человек мог быть убит там. Мог быть только ранен. Мог быть перемещён. Пока — версии.

Лицо он узнал не сразу. Дорога, пыль и смерть меняют людей сильнее плохого художника. Берг достал из дорожной папки небольшой фотографический портрет — тот самый, который приложили к петербургскому досье. Сравнил. Алексей Лебедев. Человек, которого Берг должен был встретить в Севастополе 7 сентября.

Живым.

Кучер спросил:

— Знаете?

— Да.

— Кто?

Берг посмотрел на мёртвого.

— Человек, которого я заставил ждать.

Кучер ничего не понял. И не должен был.

Две недели назад Лебедев писал:

«За мной наблюдают. Прошу разрешения выйти из дела и передать материалы через третье лицо».

Берг ответил:

«Не выходить. Документы сохранить при себе. Ждать моего прибытия».

Причина была разумной. Даже сейчас. Особенно сейчас. Оригинал важнее пересказа. Происхождение бумаги важно не меньше текста. Чужой курьер мог быть перехвачен. Копия — подменена. Лебедев должен был лично объяснить, где взял каждый лист, кто его видел, кто передал, почему доверился.

Это было правильно. На бумаге. Лебедев остался. Теперь лежал у дороги.

Оригиналов при нём не было. Берг некоторое время просто смотрел на лицо. Потом вернулся к работе. Внутренний карман был не просто пуст. Его аккуратно вспороли. Ножом. Шов разрезан ровно, почти не задев ткань.

Так не делает дорожный грабитель, если уже вывернул остальные карманы. Так делает человек, который знает, где искать бумагу. Правая рука Лебедева была сжата. Берг осторожно разжал пальцы.

Земля. Мелкая голубая крошка — краска или лак. И кусок бумаги.

На нём:

«...две бочки к старому колодцу...»

Берг замер. Фраза. Обычная. Почти та же, что он слышал вчера по дороге.

Совпадение. Пока. Вторая бумажка нашлась под манжетой.

Обрывок:

«...7 сентября...»

И три маленьких прокола. Не чернильные точки. Именно проколы. Рядом друг с другом. Берг поднёс ближе.

Кучер спросил:

— Что?

— Ничего.

— А дырки?

— Пока тоже ничего.

Французская записка лежала под телом. Сухая. Слишком сухая для земли вокруг. Берг развернул.

«Вы велели ему ждать. Он дождался».

Ни подписи. Ни имени. Только внизу три точки. Уже чернильные. Не проколы.

Берг положил записку отдельно. Одно совпадение легко назвать знаком. Два — системой. Именно поэтому он отказался делать и то и другое.

Пока. Он осмотрел дорогу шире. Через двадцать шагов нашёл следы, которые могли принадлежать двум лошадям, шедшим рядом. Через сорок — уже не мог отличить их от десятков других. Дорога к Перекопу была слишком живая для чистого следствия. Обозы, курьеры, крестьяне, артельщики, военные. Война ещё не дошла сюда пушками, но уже прошла колёсами. Под кустом лежала сломанная ветка с прилипшей к ней тёмной шерстью.

Конская. Берг убрал её в бумагу.

Кучер спросил:

— Это тоже важно?

— Не знаю.

— Тогда зачем берёте?

— Чтобы потом не жалеть, что не взял.

Кучер посмотрел на Лебедева.

— Так можно всю дорогу собрать.

— Можно.

— И что потом делать?

— Выбрасывать лишнее.

Кучер подумал.

— Значит, сначала всё важное.

— Нет. Сначала всё возможное.

Он записал время, место, состояние тела, карманы, вспоротый внутренний шов, сапоги, кровь, следы, голубую крошку, обрывки, проколы, французскую записку. Потом долго смотрел на пустую строку.

Написал:

«Последний раз живым?»

И ниже:

«Кто знал, что я приду сегодня?»

Список получился короткий. Но уже через минуту он зачеркнул вопрос.

Поставил другой:

«Кто мог узнать, что я приду сегодня?»

Это было хуже. Потому что список стал почти бесконечным. Если один человек слышал про воду, второй — про две подводы, третий — что ночёвки не будет, четвёртый — что частные лошади уже поданы, никто из них не обязан был знать весь маршрут. Достаточно, чтобы кто-то умел собирать куски.

Берг пока не знал, кто. Кучер перекрестился.

— Плохое место.

— Почему?

— Тут дальше Перекоп.

— И?

— Старики говорят, перед Крымом человек должен оставить что-нибудь на дороге.

— Что именно?

— Кто что.

— Деньги?

— Иногда.

— А если не оставит?

Кучер посмотрел на мёртвого.

— Тогда дорога сама возьмёт.

Берг поднял глаза.

— Давно говорят?

— Всегда.

Удобное слово. Его невозможно проверить.

— А вы верите?

Кучер пожал плечами.

— Пока ничего не взяло — нет.

Берг снова посмотрел на Лебедева.

Кучер быстро добавил:

— Я не про него.

— Конечно.

Они перенесли тело не сразу. Сначала Берг заставил кучера пройти назад по дороге и привести первых встречных. Через полчаса появились две подводы с пехотным обозом и унтер-офицер, который очень хотел ехать дальше.

— Убитый?

— Да.

— Разбойники?

— Возможно.

— Тогда зачем нас держать?

— Потому что вы первые свидетели после нас.

— Мы ничего не видели.

— Поэтому запомните, что ничего не видели.

Унтер посмотрел на Берга и решил не спорить. Тело завернули в плащ. Берг потребовал везти его к заставе, не в ближайшую деревню.

— Почему? — спросил унтер.

— Потому что последний известный след у меня там.

— Какой?

— Ещё не знаю.

Это не понравилось унтеру больше, чем если бы Берг сказал «секрет». Перекоп они увидели к вечеру. Вал. Ров. Дорога. Застава. Здесь кончалась материковая степь. Здесь начинался Крым.

Часы показывали 17:17. У заставы его ждали. Дежурный офицер просмотрел бумаги дважды.

— Вы раньше.

— Вижу.

— Нас предупредили.

Берг не ответил.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Во сколько?

— Около десяти.

Берг поднял глаза.

— Покажите.

Писарь принёс короткую записку с правильной штабной печатью:

«Н. К. Берг может прибыть ранее установленного срока. Вероятное прохождение Перекопа 5 сентября между 4 и 6 часами пополудни. Не задерживать».

Берг прочитал дважды.

— Откуда пришло?

— С юга.

— Кто доставил?

— Курьер.

— Имя?

Писарь полез в журнал.

— Не записали.

— Почему?

— Штабная печать.

— Печать не имеет имени.

Писарь виновато молчал.

— Курьер военный?

— Вроде.

— В форме?

— В дорожной шинели.

— Лошадь?

— Гнедая.

— Один?

— Да.

Дежурный офицер сказал:

— Николай Карлович, мы получаем десятки таких записок.

— Поэтому вам и легко принести ещё одну.

— Печать настоящая.

— Это пока единственное, что я вижу.

Он попросил журнал въезда за вчера. И нашёл Лебедева. 4 сентября. После заката. Прибыл с юга. Показал документы. Спросил о Берге.

— Кто дежурил?

Нашли старого подпоручика.

Тот долго вспоминал, потом сказал:

— Да. Нервный был.

— Что спрашивал?

— Вы прошли или нет.

— Что вы ответили?

— По списку — шестого.

— Он поверил?

— Нет. Сказал, список устарел. Будете пятого.

Берг почувствовал холод, хотя вечер оставался тёплым.

— Почему он так сказал?

— Показывал бумаги.

— Какие?

— Разные.

— Конкретно.

Подпоручик посмотрел на потолок, будто бумаги могли остаться там.

— Про воду. Про подводы. Ещё что-то про смену лошадей. И говорил, что если вы пропустили ночёвку, то будете пятого.

Вот. Лебедев сделал то же, что и неизвестный человек раньше него. Собрал мелочи. Только Лебедев собирал их, чтобы встретить Берга.

Кто-то другой — чтобы опередить.

— Кто слышал разговор?

Нашли обозного служащего, двух солдат и местного торговца. Все помнили что-то разное. Один — что Лебедев назвал старый колодец. Другой — что спорил о дате. Третий — что у него была небольшая синяя папка.

Берг показал голубую крошку.

— Такого цвета?

Торговец прищурился.

— Может быть.

— Это не ответ.

— Тогда нет ответа.

Хорошо.

Наконец обозный служащий сказал:

— Он ушёл на север.

— Когда?

— Уже темно было.

— Один?

— Да.

— Кто-нибудь после него?

Тот помолчал.

— Коляска.

— Какая?

— Тёмная.

— Лошадей?

— Две.

— Далеко за ним?

— Минут через десять. Может, пятнадцать.

— Кто внутри?

— Не видел.

— Откуда пришла?

— С юга.

— Куда пошла?

— На север.

Вот последняя надёжная точка. Лебедев жив. У Перекопа. После заката 4 сентября.

Через несколько часов исчезает. Утром 5-го кто-то уже отправляет на заставу точное предупреждение о раннем прибытии Берга. Днём Лебедев лежит мёртвый у дороги. Документов нет.

Берг записал всё в отдельной последовательности. Архип Попов появился, когда он заканчивал. Высокий, сухой, с лицом человека, который не ожидал от мира приличий и потому редко разочаровывался.

— Николай Карлович?

— Попов?

— Пока да.

— Вы должны были встретить меня завтра.

— Знаю.

— Кто сообщил, что я раньше?

— Никто.

— Тогда почему здесь?

Архип посмотрел на обоз, на тело под плащом, на Берга.

— Не люблю ждать человека в степи после его появления.

— Откуда знали, что я появлюсь?

— Не знал. Приехал на случай.

Вот так выглядела нормальная предусмотрительность. Без тайной сети. Без записки. Без чуда.

Берг спросил:

— Вы давно здесь?

— С полудня.

— Кто видел?

— Все, кому было скучно.

— Конкретнее.

— Казак у ворот. Два солдата. Писарь. Старуха с арбузами. Один грек. И собака, но её можно исключить.

— Почему?

— Не умеет писать по-французски.

Берг впервые за день почти улыбнулся. Архип увидел тело.

— Лебедев?

— Да.

— Документы?

— Нет.

— Значит, нас уже встретили.

— Не «нас». Меня.

Архип посмотрел.

— Пока.

Перед тем как покинуть заставу, Берг потребовал ещё одну вещь — журнал исходящей почты за последние сутки. Дежурный офицер нахмурился.

— Вы думаете, записка ушла отсюда?

— Я думаю, что пока не знаю, откуда она ушла.

Журнал оказался хуже дороги: пятна, сокращения, фамилии без должностей, должности без фамилий, время проставлено только там, где писарь не забывал. Берг просмотрел страницу за страницей. Ничего похожего на предупреждение о нём.

— Значит, не отсюда, — сказал офицер.

- Значит, не записано.
- Это одно и то же?
- Для спокойного человека — да.
- Архип стоял у двери.
- А для вас?
- Нет.

Писарь вспомнил, что около девяти утра через заставу прошёл ещё один курьер. С севера на юг. Он не оставлял бумаг, только менял лошадь.

- Имя?
- Было.
- Где?

Писарь перевернул несколько страниц. Записи не оказалось.

- Значит, не было? — спросил Архип.

Писарь покраснел.

- Был.
- Хорошо. Уже интереснее.

Курьера вспомнили по сапогам. Новые. Не по форме. Не по лицу. По тому, что один конюх попросил его снять сапог с лавки. Берг снова подумал о Лебедеве: один сапог грязный, другой чистый. Связь была слишком лёгкой. Он не записал её как связь. Только поставил рядом две строки.

- А коляска? — спросил он. — Та, что ушла за Лебедевым.

О ней вспомнили больше. Тёмный кузов. Две лошади. Кучер в низкой шапке. Фонарь один, левый. Внутри сидел мужчина или двое — никто не видел ясно. Документы показали быстро. Возможно, те же, по которым ночью пропускали торговцев.

- Проверяли груз?
- Какой груз?
- Значит, не было.
- Не помню.

Берг посмотрел на Архипа.

- Один говорит «не было», другой «не помню». Через месяц оба будут уверены.
- Через год появится третий, который всё видел.
- Поэтому работаем сегодня.

Они прошли к конюшням. На столбе у ворот сохранилась свежая царапина от металлической втулки колеса. Ни цвет, ни высота ничего не доказывали. Но рядом валялась крошка тёмно-синего лака. Архип поднял.

- Ваша?

Берг достал голубую крошку Лебедева. Сравнил. Разные оттенки. Архип хмыкнул.

- Жалко. Красиво было бы.
- Поэтому хорошо, что разные.
- Почему?
- Красивые доказательства чаще всего хотят понравиться.

У ворот стояла маленькая икона Николая Чудотворца, потемневшая от пыли. Кто-то из обозных, проходя, коснулся пальцами рамы и перекрестился. Берг заметил, что тот же человек через минуту выругался на лошадь так, что святителю пришлось бы проявить терпение.

Архип сказал:

- Смешно?
- Нет.
- Тогда почему смотрите?
- Потому что человек делает оба поступка искренне.

— Это вас удивляет?

— Это усложняет отчёт.

— Люди вообще плохо устроены для отчётов.

На валу ветер проходил по сухой траве и земле так, что возникал низкий гул.

Старый солдат, стоявший у оружейной площадки, сказал:

— Сегодня вал поёт.

Берг прислушался.

— Ветер.

— Конечно.

— Значит, знаете.

Солдат пожал плечами.

— А кто сказал, что предание спорит с ветром?

Он рассказал: если Перекопский вал стонет ночью, Крым скоро опять станет дорогой для армий. Когда-то шли татары. Потом русские. Потом ещё кто-то. Вал всё слышит раньше людей, потому что лежит поперёк дороги. Рациональное объяснение было простым. Ветер. Смысл — нет.

Архип спросил:

— А если вал молчит?

— Значит, армия идёт тихо.

— Непобедимое предание.

— Потому и живёт.

Рядом старый грек торговал фруктами. Услышав разговор, вмешался:

— Раньше здесь боялись не вала.

— Чего? — спросил Берг.

— Тавриды. Ифигении.

Он рассказал старую историю об чужаке, который входит в землю Тавров и думает, что сам выбрал дорогу, а потом узнаёт: дорога уже была приготовлена для него чужими обычаями, чужими богами и чужим страхом.

— Это где именно? — спросил Берг.

Грек махнул рукой на весь Крым.

— Везде, если человек приехал впервые.

Архип сказал:

— Очень удобная география.

Грек не обиделся.

— Мифу карта не нужна.

Берг не любил фразу про приготовленную дорогу. Слишком подходила. Именно поэтому запомнил. Через четверть часа Архип поднял руку.

— Четвёртый.

— Что?

— Всадник.

Позади шёл человек. Далеко. Не приближался. Не отставал.

— Ваш?

— Нет.

— Берём?

— Нет.

— Почему?

— Посмотрим, куда пойдёт.

Они выехали с заставы медленнее обычного. Всадник держался сзади. У первой развилки свернул. Архип посмотрел.

- Теперь брать поздно.
- Да.
- Жалеете?
- Пока нет.
- Хорошее слово.

Дорога к Бахчисараю была хуже. Обозы шли навстречу и в ту же сторону. Военные грузы уже тянулись к Севастополю. Встречались артиллерийские парки, телеги с сухарями, подводы с фуражом. Солдаты говорили о высадке союзников так, будто лично видели каждый корабль, хотя большинство не видело моря. Архип слушал.

- Англичан сорок тысяч.
 - Полчаса назад было двадцать, — сказал Берг.
 - К вечеру будет сто.
 - А завтра?
 - Победим миллион.
- У привала разговор зашёл о том, где ещё может начаться война.
Один артиллерист сказал:
- На Балтике уже ходят.
- Другой ответил:
- Там Петербург. Не полезут.
- Третий, уроженец Архангельской губернии, сказал:
- А на Белое море уже полезли.
- Никто не поверил.
- Кому там воевать?
 - Монастырям, видать.

Смеялись. Берг не смеялся. Он слышал ещё в Петербурге о движении английских и французских сил не только к Чёрному морю. Война была шире Крыма. Пока это ощущалось как плохо сложенная карта: Балтика, северные берега, Кавказ, далёкий Тихий океан — слишком далеко друг от друга, чтобы мозг воспринимал как один конфликт.

- Архип спросил:
- О чём думаете?
 - Что война слишком большая для хорошего названия.
 - Назовите плохим.
 - Уже назвали Восточной.
 - А западнее Петербурга?
 - Именно.

До Бахчисарая они ехали уже вместе.

- Архип не задавал вопросов первые полчаса. Потом спросил:
- Кто такой Лебедев был до того, как стал вашим мёртвым?

- Берг повернул голову.
- Моим?

- Вы так смотрите.
 - Он работал в канцелярии торгового ведомства. Потом выполнял поручения. Знал языки. Хорошо запоминал лица.
 - Дрался?
 - Не знаю.
 - Пил?
 - Не знаю.
 - Женат?
- Берг помолчал.

— Не знаю.

Архип кивнул.

— Значит, знали полезное.

Фраза была неприятной. Именно поэтому Берг её не отбросил. На следующем привале он открыл досье. Внизу, где обычно никто не читал, стояло: мать жива, сестра замужем, семьи нет. Любит шахматы. Был однажды взыскан за драку в трактире — вступился за армянского приказчика. Берг закрыл папку.

— Дрался.

Архип посмотрел.

— Хорошо.

— Почему?

— Теперь хоть чуть-чуть человек.

Берг ничего не ответил. Чуть дальше они нагнали обоз с военным имуществом. На одной телеге были ящики с английскими надписями — трофейные или купленные до войны, никто не знал. Возчик уверял, что англичане уже бомбили русские берега далеко на севере. Молодой офицер засмеялся:

— На севере у них что, Крым другой?

Старый матрос, ехавший на телеге из Николаева, ответил:

— Морю всё равно, как берег называется.

Он перечислил слухи: Балтика, Аландские острова, монастырские берега Белого моря, корабли где-то у Камчатки. Половина могла быть выдумкой. Другая половина — хуже.

— Три моря, четыре, — сказал Архип. — А у нас один Перекоп и уже бардак.

Матрос усмехнулся.

— Потому и война. Если бы порядок был, её бы чиновники в папках провели.

Берг посмотрел на свою папку.

— Иногда пытаются.

Матрос не понял, но Архип засмеялся. У маленькой придорожной часовни остановились напоить лошадей. Свечей не было. Перед образом Георгия Победоносца лежали две медные монеты и сухой цветок. Солдат из обоза, молодой и испуганный, спросил у старухи-смотрительницы:

— Святой Георгий от пули хранит?

Та ответила:

— От глупости бы хранил — цены бы не было.

Архип тихо сказал:

— Правильная святая.

Старуха услышала.

— Я не святая. Я убираю.

Берг запомнил эту фразу тоже. Не для отчёта. Когда обоз ушёл, он заметил на стене часовни три круглых углубления. Почти одинаковые. Архип тоже увидел.

— Ваши точки?

Берг подошёл. Следы старых гвоздей.

— Нет.

— Быстро.

— Потому что здесь есть причина.

— А там?

— Пока нет.

Архип потрогал одно углубление.

— Значит, три дырки иногда просто три дырки.

— Запомните.

— Это вы себе.

Берг записал только место часовни и время остановки. Не точки. Ночевали 5/6 сентября в Бахчисарае. Город встретил их водой, камнем, узкими улицами и усталостью. В ханском дворце уже было темно. У двора, где остановились, хозяин поставил на стол хлеб, сыр, виноград и горячую похлёбку. Архип ел быстро.

Берг — нет. Он раскладывал бумаги.

— Почему Лебедев не ушёл, если понимал опасность? — спросил Архип.

Берг не поднял глаз.

— Я запретил.

— Зачем?

— Мне нужны были оригиналы.

— Бумаги?

— Да.

— Получили?

— Нет.

— Человека?

Берг посмотрел на него.

— Тоже нет.

Архип некоторое время молчал.

— Ошибка могла быть вашей.

Берг повернулся.

— А убивал другой.

— Я это и сказал.

— Нет. Вы сказали другое.

— Хорошо. Тогда запомните оба.

За стеной двора капала вода. Хозяин, услышав разговор о дороге, рассказал о Фонтане слёз. Хан, сказал он, приказал камню помнить то, что человек не мог вынести сам. Архип посмотрел на Берга.

— Удобно. Человек забыл — камень помнит.

— Камень не забывает, — сказал хозяин.

— Камень ничего не знает, — ответил Берг.

Хозяин усмехнулся.

— Тогда почему вы весь день смотрите на землю?

Архип засмеялся. Позже к ним подсел старый грек, который возил товары между Бахчисараем и Севастополем. Он рассказал о крымских христианских пещерах и книгах, которые будто бы прятали в камне во времена гонений.

— Если человек прячет слово в камне, камень хранит лучше человека.

— До тех пор, пока другой человек не найдёт.

— Тогда камень хотя бы не врёт.

Берг посмотрел на французскую записку. Бумага как раз врала. Или говорила правду так, чтобы она стала ложью. Перед сном он снова разложил всё по порядку.

Вода. Подводы. Частные лошади. Отказ от ночлега.

Лебедев собирает эти куски и понимает, что Берг будет пятого. Кто-то другой делает то же раньше или быстрее. Лебедев получает изменённое время встречи — пока непонятно от кого. После заката его видят у Перекопа.

За ним идёт тёмная двухлошадная коляска. Ночью он исчезает. Утром 5 сентября на заставе уже лежит предупреждение о раннем прибытии Берга. Днём тело находят севернее.

Документы исчезли.

Он записал крупно:

ОДНО ВРЕМЯ НЕ ОЗНАЧАЕТ ОДНОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ.

Ниже:

ТРИ ТОЧКИ — ЗНАЧЕНИЕ НЕ УСТАНОВЛЕНО.

И ещё:

НЕ ИСКАТЬ ЧЕЛОВЕКА РАНЬШЕ МЕХАНИЗМА.

Архип лежал у двери, подложив под голову седельную сумку.

— Закончили?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему?

— Значит, враг ещё существует.

Берг закрыл папку.

— Это вас радует?

— Нет. Но мёртвый враг скучный. Ещё хуже — придуманный.

Утром выехали до рассвета. На дороге встретили обоз раненых с юга. Пока ещё не после большой битвы — несчастные случаи, первые перестрелки, больные. Один молодой солдат держал на груди маленький медный крест.

Архип спросил:

— Откуда?

— Мать дала.

— Помогает?

Солдат подумал.

— Не знаю. Но выбросить страшно.

Берг посмотрел на крест. Вчера люди рассказывали, что дорога берёт жертву. Сегодня другой человек носил знак, потому что боялся остаться без защиты. Миф и вера стояли рядом и внешне почти не различались. Разница, вероятно, была в том, что один объяснял мир, а другая не обязана была ничего объяснять.

Он не стал записывать. К полудню дорога стала тяжелее. Воздух пах сухой травой и конским потом. Появились слухи о союзном флоте, о высадке, о том, что неприятель идёт к Севастополю. Каждый новый рассказ увеличивал армию противника и уменьшал расстояние.

Архип сказал:

— Война быстрее едет языком.

— Пока да.

— А потом?

— Потом телеграфом.

— И что лучше?

— Для правды?

— Для человека.

Берг не ответил. После Бахчисарая дорога изменилась. Стало больше военных. Больше телег. Больше людей, которые знали что-то важное и рассказывали это каждому встречному. Один штабной писарь, ехавший навстречу, уверял, что союзники высадятся у Евпатории. Другой говорил, что уже высадились. Третий — что высадка обман, а настоящий удар будет по Кавказу.

Архип спросил Берга:

— Кто прав?

— Возможно, никто.

— Тогда зачем слушаем?

— Потому что кто-то другой тоже слушает.

Они начали считать не содержание слухов, а места, где они возникали. Почтовая станция. Колодец. Обозная стоянка. Склад. Перекрёсток. Везде люди обменивались сведениями так естественно, как табаком.

Берг сказал:

— Если поставить человека на каждой такой точке, получится дорого.

— А если не ставить?

— Пусть сами говорят.

— Кому?

— Вот это вопрос.

Архип посмотрел на него.

— Уже сеть?

— Нет.

— Что тогда?

— Возможность.

На одной станции Берг проверил экспериментом. Спросил смотрителя при трёх людях, далеко ли до Севастополя, и намеренно сказал, что хочет идти через Симферополь, хотя маршрут уже был выбран другой. Через час на следующем колодце мальчишка спросил Архипа:

— Вы же через Симферополь?

Архип медленно повернулся к Бергу.

— Быстро.

— Да.

— Наши?

— Просто люди. Пока.

— Разница?

— Главная.

Слух мог двигаться без шпиона. Любопытство само было каналом.

Берг записал:

«Не путать распространение с управлением».

Это была первая строка за день, которая ему понравилась. 6 сентября в 18:20 они увидели Севастополь. Город ещё выглядел почти мирным. Это было самое тревожное.

Корабли на рейде. Белые дома. Церкви. Мачты. Вozy. Военные. Гражданские. Всё двигалось, но не так, как город, ожидающий осаду. Скорее как человек, который ещё не решил, болен ли он. У въезда Берг первым делом спросил время. Архип посмотрел.

— Вы опять.

— Да.

— Почему?

— Потому что кто-то любит знать его раньше меня.

В штабе его появления не ждали до следующего вечера.

Но один писарь, увидев фамилию, сказал:

— Вы всё-таки приехали.

Берг остановился.

— Что значит «всё-таки»?

Писарь побледнел.

— Ничего.

— Тогда повторите.

— Просто слышал, что можете раньше.

— От кого?

— Не помню.

— Сегодня?

— Вчера вечером.

Архип медленно повернул голову.

Берг спросил:

— Кто говорил?

— Кажется, курьер. Или адъютант. Я не уверен.

— Как выглядел?

— Обыкновенно.

Архип вздохнул.

— Самая редкая примета.

Писарь вспомнил только одно: у человека был синий пропуск или синяя записная книжка — что именно, он не видел. Берг достал голубую крошку с руки Лебедева. Положил на белую бумагу. Слишком мало.

Слишком удобно. Он не стал соединять. Пока. До штаба они добрались уже в сумерках. Город менялся на глазах по мере того, как темнело. Днём Севастополь ещё мог притворяться портовым городом; вечером становилось видно, что порт превращается в крепость. У складов разгружали ящики. На батареях таскали материал. На улицах попадались моряки с инструментом, солдаты с лопатами, чиновники с бумагами и женщины, которые несли воду туда, где пока ещё не было раненых, но скоро будут.

У Владимирского собора кто-то поставил свечи за флот. У ворот стояла женщина с мальчиком. Она объясняла ему, что святой Владимир хранит город. Мальчик спросил:

— А пушки зачем?

Женщина ответила не сразу.

Архип прошептал:

— Хороший вопрос.

Берг посмотрел на крест над храмом, потом на мачты в бухте. Вера не отменяла пушек. Пушки не отменяли веры. Станным было бы требовать от одного заменить другое. На набережной старый матрос рассказал им другую байку: будто Севастополь не возьмут, пока в бухте остаётся хоть один русский корабль.

— А если корабли затопят сами? — спросил Архип.

Матрос посмотрел на него так, будто вопрос был неприличным.

— Тогда море их всё равно держит.

— Значит, тоже считается.

— Конечно.

Архип сказал Бергу:

— Видите? Предание уже приготовило запасной выход.

Берг ответил:

— Поэтому живёт дольше приказа.

Они прошли дальше. У пристани два офицера спорили о союзных кораблях. Один утверждал, что англичане сильнее французов, второй — что французы лучше знают берег. Рядом грузчик объяснял третьему, что всё это неважно, потому что турки якобы знают тайный проход в бухту. Через десять шагов та же история уже звучала так, будто проход показал греческий рыбак. Архип остановился.

— Вот как рождается миф?

— Нет.

— А что?

— Пока только плохая информация.

— Когда станет мифом?

— Когда автор исчезнет.

Архип кивнул.

— Значит, быстро.

У штаба Берг заметил человека в светлой дорожной шинели. Тот стоял у стены, ничем не выделялся и смотрел на въезжающие экипажи. Когда Берг задержал взгляд, человек отвернулся.

— Наш? — тихо спросил Архип.

— Не знаю.

— Берём?

Берг подумал о всаднике после Перекопа.

— Нет.

— Опять?

— Если возьмём каждого, кто смотрит, к утру останемся без города.

Человек ушёл. Архип не преследовал, но запомнил походку. Через пять минут писарь сказал «вы всё-таки приехали». Берг подумал о человеке в шинели. Не соединил.

Пока. В комнате, которую ему отвели, стояли стол, кровать и окно на бухту. Архип прошёл по помещению, проверил вторую дверь и окно.

— Что ищете?

— Человека, который уже знает номер комнаты.

— Почему должен знать?

— Не должен.

— Хорошо.

Берг положил фотографический портрет Лебедева сверху на папку. Не потому что это была главная улика. Наоборот. Чтобы человек не превратился в приложение к бумаге.

Перед тем как сесть за отчёт, Берг проверил окно ещё раз. Не из-за преданий. Из окна был виден кусок двора, ворота и часть улицы. Человек, стоящий напротив, мог видеть, когда в комнате зажигают свет, сколько раз выходит посыльный и кто приходит. Архип заметил его взгляд.

— Хотите занавеску?

— Нет.

— Почему?

— Пусть видят свет.

— А что внутри?

— Не увидят.

Архип переставил лампу так, чтобы стол оказался глубже в комнате.

— Теперь увидят, что вы работаете, но не увидят с чем.

Берг посмотрел.

— Вы это часто делаете?

— Что?

— Думаете о том, что видит другой человек.

— В степи иначе долго не живут.

Берг записал про себя, не на бумаге. Через четверть часа внизу хлопнули ворота. Архип выглянул.

— Посыльный.

— К нам?

— Нет.

— Тогда зачем говорите?

— Проверяю, что вы не побежите за каждой бумагой.

Берг поднял глаза.

— И?

— Пока держитесь.

На столе лежали сразу три предмета: портрет Лебедева, французская записка и голубая крошка. Берг поймал себя на том, что рука тянется к записке первой. Он переставил портрет сверху. Архип увидел. Ничего не сказал. Архип снял с пояса нож и положил рядом с револьвером.

— Спать будете?

— Потом.

— Это тоже привычка?

— Работа.

— Нет. Работа заканчивается. Привычка остаётся.

Берг посмотрел.

— Вы всегда разговариваете столько?

— Когда человек рядом думает слишком громко.

— Я молчу.

— Именно.

Архип устроился у двери.

— Если придут за бумагами, что делаем?

— Не отдаём.

— Если придут за вами?

— Зависит от числа.

— А если одновременно?

Берг хотел ответить сразу. Не ответил. Архип усмехнулся.

— Вот.

— Что?

— Ничего. Спрашивал.

Берг всё-таки сказал:

— Бумаги могут доказать механизм.

— А вы можете его расследовать.

— Если бумаги потеряем, второй возможности может не быть.

— Если потеряем вас — тоже.

— Это не одно и то же.

— Конечно. Бумаги легче.

Берг посмотрел на него дольше, чем требовалось.

— Вы специально раздражаете?

— Нет. Это бесплатно.

Разговор закончился. Но вопрос остался в комнате рядом с лампой, портретом Лебедева и французской запиской. Перед первой строкой Берг вынул из кармана три проколотых точки на обрывке и положил рядом с тремя чернильными точками из французской записки. Размер не совпадал. Расстояние между ними тоже. Даже инструмент был другой. Он отметил это отдельно.

Архип спросил:

— Значит, не один знак?

— Значит, нельзя утверждать, что один.

— Разница только вам понятна.

— Поэтому я и пишу.

— А если тот, кто оставил, специально сделал по-разному?

— Тогда он рассчитывает, что я соединю.

— А если случайно?

— Тогда я помогу ему, если соединю сам.

Архип закрыл глаза.

- Следствие тяжёлая работа. Всё время нельзя радоваться.
- Иногда можно.
- Когда?
- Когда факт выдержал попытку его опровергнуть.
- Это у вас радость?
- Да.
- Тогда война вам подходит.

Берг ещё раз проверил часы. 23:41. Через семь часов девятнадцать минут он должен был стоять перед Меншиковым. В Петербурге от него ждали объяснения утечек. В Севастополе пока не знали даже, что именно утекает. Между этими двумя незнаниями лежал мёртвый Лебедев. Он перевёл часы на край стола, чтобы видеть циферблат, не касаясь его. Время всё чаще становилось уликой раньше содержания. Это раздражало. Бумагу можно прочесть. Время — только сравнить с другим временем.

Архип спросил из темноты:

- Ещё что?
- Ничего.
- Значит, важное.

В коридоре прошли двое. Один сказал другому: «К утру всё изменится». Фраза относилась, вероятно, к военным приготовлениям. Берг дождался, пока шаги стихнут, и всё-таки записал её на отдельном листке. Через минуту перечеркнул. Не всякая подходящая фраза — улика. Иногда коридор просто остаётся коридором. Внизу снова хлопнули ворота. Архип не встал. Берг тоже. Иногда лучший способ не стать предсказуемым — не реагировать на каждый звук. Он написал отчёт до полуночи. Кратко.

Без вывода о предателе. Без вывода о сети. Только факты. Ускорение пути.

Безобидные дорожные сведения. Предупреждение на Перекопе. Лебедев. Ложное время.

Тёмная коляска. Исчезнувшие документы. Голубая крошка. Три прокола.

Три чернильные точки. Французская фраза.

В конце добавил:

«Лебедев искал не только содержание бумаг. Вероятно, он пытался установить, как сведения движутся».

Архип уже спал у двери. Не совсем. Один глаз открылся.

- Закончили?
- Нет.
- Опять хорошо.

За окном один из кораблей ударил склянки. Из гавани донёсся глухой металлический звук. Берг вспомнил перекопского солдата: вал поёт, когда Крым становится дорогой для армий. Потом хозяина в Бахчисарае: камень помнит.

Потом грека: чужак думает, что сам выбрал дорогу. Он не верил ни в одно предание. Но окно всё-таки не закрыл. С моря тянуло солью и дымом. На рейде мигали огни. За ними лежало Чёрное море; за ним — Константинополь, союзные флоты и ещё дальше чужие решения, которые уже двигали корабли и армии. Где-то на Балтике другие корабли смотрели на другие русские берега. Где-то на Белом море монахи, возможно, уже учились различать силуэты военных судов. Где-то на Тихом океане приказ, написанный месяцы назад, мог оказаться поздним ещё до того, как его прочтут.

Война была слишком велика, чтобы один человек видел её целиком. Но кто-то в Севастополе уже сумел увидеть его маленькую дорогу от почтовой станции до Перекопа раньше, чем она закончилась. Это было достаточно. Потому что завтра в семь утра его ждал князь Меншиков.

А где-то в Севастополе уже был человек, который знал о его раннем прибытии ещё вчера. Война уже учила его этому, хотя он ещё сопротивлялся. Упрямо.

ГЛАВА 2

ГОЛУБОЙ САФЬЯН

7 сентября Берга подняли до рассвета. Не потому что он проспал. Потому что князь Меншиков не любил ждать. Архип стоял у окна и смотрел на бухту.

— Город ещё спит.

— Нет.

— Тогда хорошо притворяется.

На рейде темнели корабли. Слышались редкие команды. Где-то ударили склянки. От воды тянуло солью и углём. Внизу по улице прошла телега, скрипнула так громко, будто город действительно проснулся только ради неё. После вчерашнего разговора с матросом Берг невольно прислушался. Когда флот молчит, город слушает море. Глупость.

Сегодня флот не молчал. Значит, по матросской логике, город уже что-то услышал. На столе лежал портрет Лебедева. Архип посмотрел.

— Берёте?

— Нет.

— Почему?

— Он не улика для Меншикова.

— А для вас?

Берг убрал портрет в папку.

— Поэтому и не беру.

Архип кивнул. Меншиков принял Берга быстро. Князь сидел за большим столом, который выглядел как территория, на которой уже проиграли несколько маленьких войн. Карты. Донесения. Перья. Чашки. Одна карта была прижата подсвечником, другая — тарелкой. У края лежала газета на французском. На ней — кружок от кофе. Архип остался снаружи.

Берг положил на стол две французские записки. Меншиков прочитал.

— Это что?

— Пока не знаю.

— Тогда зачем принесли?

— Потому что автор знает о моём приказе Лебедеву и времени моего прибытия.

— Лебедев мёртв?

— Да.

— Документы?

— Исчезли.

— Кто убил?

— Не знаю.

Князь посмотрел.

— Очень содержательный доклад.

— Другого пока нет.

Меншиков откинулся.

— В Петербурге любят людей, которые приезжают объяснять мне, чего я не знаю.

— Я приехал узнать, чего не знаете вы и знаю ли это уже не я один.

Меншиков прищурился.

— Это звучит хуже.

— Так и есть.

Берг рассказал коротко: ускорение пути, Перекоп, Лебедев, три бумаги, тёмная коляска, предупреждение на заставе, раннее знание его маршрута и три точки.

Меншиков остановил:

— Какие точки?

Берг показал.

— Подпись?

— Не знаю.

— Похоже.

— Именно поэтому не хочу так считать.

Князь побарабанил пальцами по столу.

— Вы всегда так осторожны?

— Когда вывод красивый — особенно.

— Неприятный человек.

— Мне говорили.

Меншиков открыл ящик стола и достал небольшую записную книжку. Обложка — голубой сафьян. Тонкая. Хорошая работа. Края потёрты. Цвет почти совпадал с крошкой из руки Лебедева. Почти. Берг не достал крошку сразу.

— Это нашли вчера, — сказал князь.

— Где?

— В вещах одного инженерного курьера.

— Жив?

— Да.

— Арестован?

— Нет.

— Почему?

— Пока нет основания.

Берг поднял глаза.

— Разумно.

— Не привыкайте.

Страницы почти пустые. Несколько цифр. Даты. Короткие слова. Одни по-русски. Другие по-французски.

На одной странице:

R.

Ниже:

SE.

Ещё ниже:

17 — 4 — 2. На другой — три маленькие точки. Берг положил рядом голубую крошку Лебедева. Оттенок близкий. Материал — возможно тот же тип окрашенной кожи или лака. Но крошка слишком мала, чтобы утверждать.

Меншиков сказал:

— Ну?

— Красиво.

— Значит, связано.

— Значит, хочется связать.

— Вы можете хоть раз помочь быстрее?

— Быстрее уже помогают те, кого мы ищем.

Меншиков не улыбнулся.

— Что с курьером?

Пакет инженерных бумаг не исчезал. Его задержали примерно на час, а потом вернули в официальный оборот. Курьер обнаружил пропажу только потому, что заметил сломанную нитку на обёртке. Он решил, что пакет вскрывали. Начальство решило, что он оправдывает собственную небрежность. Голубую книжку нашли при проверке. Берг закрыл книжку.

— Значит, документ прошёл цепь и вернулся в неё.

— Не понимаю.

— Его не украли.

— И?

— Значит, достаточно было временно перехватить.

— Чтобы прочитать?

— Или переписать.

— Секретные документы?

— Инженерные рабочие бумаги.

Меншиков махнул рукой.

— Тогда шум из ничего.

Берг посмотрел.

— Вчера вода, подводы и смена лошадей тоже были ничем.

Князь перестал махать.

— Что там было?

— Маршруты подвоза, состояние дорог, участки работ, время передачи.

— Это не планы армии.

— Нет.

— Тогда?

— Если я знаю, где чинят дорогу, куда гонят воду и сколько подвод идёт в одну сторону, мне не обязательно читать приказ.

Меншиков помолчал.

— Вы хотите сказать, что наши писари выдают неприятелю намерения, не читая секретов?

— Я хочу сказать, что пока не знаю, кто выдаёт. Но секрет может быть собран из несекретного.

— Удобная теория. Виноваты все.

— Не виноваты. Полезны.

— Ещё хуже.

Берг оставил книжку у себя по распоряжению князя и вышел. В коридоре Архип уже разговаривал с матросом.

— О чём?

— О службе.

Матрос улыбнулся.

— Он спрашивал, где быстрее новости ходят.

— И?

— По бумаге.

Архип сказал:

— Я думал, по бабам.

Матрос не согласился.

— Баба может забыть. Бумага нет.

— Бумагу сжечь можно.

— А смысл уже ушёл.

Матрос объяснил: приказ ещё не дошёл до батареи, а в порту уже знают; ведомость не подписана, а лавка уже знает, сколько понадобится; командир только решил, а возчик уже руга-

ется. Один несёт. Второй смотрит. Третий переписывает номер. Четвёртый слышит, что спрашивают. К вечеру бумага ещё на столе, а смысл уже по городу. Берг ничего не сказал. Лебедев мог погибнуть именно за это. Не за бумагу.

За путь бумаги.

— Кто вам это сказал? — спросил он.

Матрос пожал плечами.

— Все знают.

— Кто первый?

— А зачем?

— Чтобы понять, откуда пошло.

Матрос рассмеялся.

— Тогда вам лет десять искать.

Архип сказал:

— Видите? Миф уже готов.

— Это не миф.

— А что?

— Наблюдение.

— Когда станет мифом?

— Когда перестанут проверять.

Матрос перекрестился на церковь через улицу.

— Проверять надо всё. Даже погоду.

— Бога тоже? — спросил Архип.

Матрос посмотрел на него.

— Бога не проверяют. Себя — да.

Берг запомнил. Инженерного помощника привели через час. Молодой, усталый, обиженный тем, что его подозревают не в том, в чём он виноват. Книжку он признал сразу. R. означало Reed.

SE — South-East, юго-восточный курьерский маршрут. 17 — 4 — 2 ему продиктовал незнакомец у почты «на случай вопроса о пакете».

— Почему записали?

— Чтобы не забыть.

— Что означают числа?

— Не знаю.

— И вас это не удивило?

— В штабе каждый день кто-то диктует цифры.

— Незнакомец?

— Я думал, из снабжения.

— Почему?

— Говорил уверенно.

Архип фыркнул.

Берг спросил:

— Три точки ваши?

— Нет.

Слишком удобно. Но плохой агент редко записывает кодовую инструкцию в собственной книжке — если только ему не сказали, что это вовсе не код.

— Незнакомец выглядел как офицер?

— Нет.

— Чиновник?

— Возможно.

— Русский?
— Говорил по-русски.
— Это не ответ.
— Тогда нет ответа.
Берг показал связку ключей.
— Ваши?
— Да.
— Все?
— Три мои. Один казённый.
— Какой?
Курьер показал. Латунный, небольшой.
— От чего?
— От шкафа в почтовой комнате.
— Кто ещё имеет?
— Писарь. Начальник. Иногда дежурный.
— Иногда?
— Ключ лежит у двери.
Архип сказал:
— Очень секретный шкаф.
— Там не секретное.
Берг посмотрел на него.
— Именно.

Маршрут пакета он прошёл сам. Инженерный стол. Коридор. Двор. Почтовая комната. Переход. Штаб. На каждом участке Берг спрашивал не «кто мог украсть», а «кто мог видеть». На инженерном столе бумаги лежали открыто во время сверки.

В коридоре их несли в руках. Во дворе курьеры останавливались у колодца. В почтовой комнате пакет мог лежать без прямого наблюдения до получаса. В переходе стоял стол, за которым часто меняли обёртку, если та промокла или порвалась.

Доступ имели многие.

Архип спросил:

— Плохо?
— Для поиска одного человека — да.
— А для вашей новой толпы?

Берг посмотрел.

— Очень хорошо.

Перед опытом Берг отдельно проверил, кто вообще мог оказаться рядом с пакетом, не вызывая подозрения. Получился список неприятнее списка подозреваемых. Уборщик. Курьер. Офицер, который искал другую бумагу.

Человек из снабжения. Посыльный из госпиталя. Переводчик. Портной, пришедший снять мерку с чиновника.

Часовой, когда его звали внутрь помочь передвинуть шкаф.

— Портной тоже? — спросил Архип.
— Особенно портной.
— Почему?
— Потому что его никто не запоминает после того, как сняли мерку.

Они проверили один эпизод из журнала: пакет лежал на столе восемнадцать минут, пока писарь искал печать. За это время в комнате побывали пять человек. Один помнил пакет. Четверо — нет. Берг попросил каждого описать обёртку. Первый сказал — серая. Второй — белая.

Третий уверял, что был красный шнур. Четвёртый не заметил вообще. Настоящая обёртка была светло-коричневая, шнур белый.

Архип сказал:

— Отличные свидетели.

— Обычные.

— Это хуже.

— Да.

Берг понял ещё одну вещь: системе не нужен идеальный наблюдатель. Достаточно людей, каждый из которых замечает свою мелочь. Один — цвет. Другой — время. Третий — кто забрал. Ошибки не исчезают, но при повторении начинают сглаживаться. Он не записал слово «система». Рано.

Вместо этого написал:

«СРАВНИВАТЬ НЕ ПОКАЗАНИЯ, А НЕЗАВИСИМЫЕ ФРАГМЕНТЫ».

Архип прочитал через плечо.

— А независимые как узнаете?

Берг посмотрел.

— Хороший вопрос.

— Запишите.

Записал. На дворе он устроил простой опыт. Попросил инженерного писаря громко сказать, что пакет в следующий раз пойдёт не юго-восточным маршрутом, а через порт. На самом деле никакого пакета не было.

Через сорок минут на складе возчик спросил другого:

— Теперь бумаги через порт гоняют?

Архип посмотрел.

— Быстрее нас.

— Пока только слух.

— А если бы там ждал человек?

— Тогда был бы канал.

— Уже начинаю ненавидеть ваши слова.

— Хорошо.

— Почему?

— Значит, запоминаете.

В маленькой комнате пакеты действительно могли лежать без наблюдения. На стене висел образ Спаса. Под ним — крючки для шинелей. Между крючками старый грек-каменщик латал трещину.

Через переводчика он сказал:

— Стены слышат дольше людей.

У херсонесских руин, объяснил он, старики рассказывали: слово уходит в камень и возвращается тому, кто умеет слушать.

Архип сказал:

— Очень неудобно для штаба.

Грек продолжил: в старых храмах и пещерах звук идёт странно — говорящий стоит здесь, а слышат его там. Берг заинтересовался уже не преданием. Акустикой. Он попросил писаря встать в соседней комнате и говорить обычным голосом. Через одну стену слышал половину. Через две — отдельные слова. В углу у кладки звук шёл лучше.

— Полость, — сказал каменщик.

— Где?

Тот постучал. За стеной проходил узкий старый канал или закрытая ниша. Не шпионская труба. Обычная архитектура.

Архип спросил:

— Значит, миф объяснили?

— Один звук.

— А миф?

— Не обязан исчезать.

Грек улыбнулся, будто разговор шёл в его пользу. Томаса Рида нашли быстро. Англичанин. Торговый посредник. Жил в Севастополе ещё до войны, торговал инструментом, канатами, мелкими механизмами, знал портовых людей лучше некоторых чиновников. Он принял Берга в комнате над лавкой, где пахло машинным маслом и табаком.

— Почему вас ищут инженерные курьеры? — спросил Берг.

— Меня много кто ищет.

— Почему?

— Потому что я продаю вещи, которых у вас нет.

— Например?

— Хорошие замки.

Архип посмотрел на Берга. Берг положил голубую книжку. Рид увидел и не удивился. Это было важнее ответа.

— Знаете?

— Видел похожие.

— У кого?

— У половины людей, которые хотят казаться аккуратными.

— Этот конкретный?

— Нет.

Рид отрицал связь с инженерными бумагами. Отрицал копирование. Отрицал получение копий. Слишком много «нет». Это ещё ничего не доказывало. Архип заметил на его связке маленький латунный ключ.

— От чего?

— От дорожного несессера.

— Покажете?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы хотите, чтобы я показал.

Архип посмотрел на Берга. Рид не отпустил их сразу.

— Вы думаете, я шпион?

— Я думаю, вы хотите, чтобы я ответил.

— Это уклонение.

— Это экономия времени.

Англичанин налил себе чай. Бергу не предложил. Архипу предложил. Архип взял. Берг посмотрел.

— Что? — спросил Архип.

— Ничего.

Рид усмехнулся.

— Вот поэтому ваши люди проигрывают торговцам. Вы подозреваете чашку раньше, чем цену.

— А вы цену раньше чашки?

— Всегда.

Он говорил не как человек, пойманный на связи с разведкой, а как человек, привыкший жить между государствами и считать чужие запреты разнообразностью пошлины.

— До войны вы поставляли инструменты русскому флоту?

— Да.

— Теперь?

— Теперь ваши чиновники делают вид, что никогда меня не знали.

— А англичане?

— Делают вид, что знают слишком хорошо.

— Кому вы верны?

Рид впервые задумался.

— Счёту.

Архип сказал:

— Честно.

— Нет, — ответил Берг. — Удобно.

Рид поднял чашку.

— Война вообще удобна для людей, которые умеют продавать неудобства.

На столе у него лежала газета. Берг увидел записку о действиях союзного флота на Балтике. Рядом — карта Чёрного моря.

— Интересуетесь всеми морями?

— Меня интересуют цены на перевозку. Война делает их мировыми быстрее дипломатов.

— А Белое море?

— Дорого.

— Тихий океан?

— Ещё дороже.

— Но новости доходят.

— Всё доходит. Вопрос — когда.

Берг задержал взгляд. Рид заметил.

— Вот. Опять время.

— Откуда знаете, что меня интересует время?

Рид улыбнулся.

— Вы трижды спросили, когда я получил последний груз, и ни разу — что в нём было.

Это могло быть наблюдением умного торговца. И могло быть первым подтверждением, что Берга читают по вопросам. Он не выбрал.

На улице спросил:

— Берём?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он ждёт, что мы заинтересуемся ключом.

— А мы заинтересовались.

— Именно.

— Значит, не надо?

— Надо. Но не так.

Они не пошли за Ридом. Поставили наблюдение на лавку, склад и человека, который приносил ему еду. Через два часа Рид вышел, прошёл к порту, поговорил с двумя матросами и вернулся. Никакой тайной встречи.

Архип сказал:

— Умный.

— Или просто пошёл в порт.

— Вы сегодня скучный.

— Сегодня?

— Хорошо. Всегда.

Во второй половине дня Берг проверял другое — голубой цвет. Оказалось, он встречался повсюду. Голубые переплётёты. Синие пропуска инженерного ведомства. Лак на некоторых ящиках. Подкладка офицерской папки. Кусок кожи у шорника. Архип наблюдал, как Берг ходит от лавки к лавке с крошкой.

- Ещё немного, и арестуем небо.
- Цвет слишком распространён.
- А книжка?
- Настоящая.
- Значит?
- Значит только то, что она голубая.

Шорник сказал, что сафьян такого качества привозили через Одессу и Константинополь. Несколько лет назад он был модным. Теперь встречался реже, но не настолько, чтобы искать одного владельца.

- Лебедев мог держать такую папку?
 - Мог.
 - Рид?
 - Мог.
 - Меншиков?
 - Если захочет.
- Архип вздохнул.
- Опять ничего.
 - Наоборот. Мы убрали ложную уникальность.
 - Вы умеете радоваться поражению.
 - Это дешевле, чем радоваться ошибке.

У шорника висел образ Николая. Перед ним горела лампада. Хозяин, не переставая работать, перекрестился, когда с улицы донесли раненого. Через минуту снова ругался на подмастерья.

- Архип сказал:
- Вчера вы смотрели так же.
 - На что?
 - На человека, который молится и ругается.
 - И?
 - Ничего. Просто вы замечаете повтор.
 - Это работа.
 - Нет. Работа у вас про бумагу. Это про людей.

Берг не ответил. Вечером в почтовом помещении произошёл небольшой взрыв. Не военный. Малый заряд или испорченный пороховой патрон. Ранен писарь. Документы не уничтожены. Окно выбило. Дверь заклинило. На деревянной пластине оказалось три отверстия.

- Архип сказал:
- Вот.

Берг присел. Отверстия были слишком ровными.

— Человек, который знает, что мы смотрим на три точки, может поставить три отверстия специально.

- Значит, знак ложный.
- Может быть.
- Или настоящий.
- Может быть.
- Великолепно.
- Следствие редко создано для удовольствия.

Писарь утверждал, что перед взрывом в комнате был незнакомый человек в серой шинели. Другой писарь сказал — в синей. Третий никого не видел. Берг записал три показания отдельно. Не среднее.

Архип спросил:

— Почему не выбрать серую? Двое же почти.

— Один сказал серую после того, как услышал первого.

— А синяя?

— Сказал до.

— Значит, синяя.

— Значит, независимее.

У раненого на рукаве нашли мелкую синюю пыль. Сафьян? Краска? Он работал рядом с окрашенным шкафом. Ложный след умер быстро. Берг был почти благодарен. Перед ночной проверкой Берг вернулся к Риду второй раз. Без Архипа. По крайней мере так должно было выглядеть. Архип остался через улицу у сапожника и ругался с ним о цене ремонта.

Рид открыл не сразу.

— Вы быстро соскучились.

— Ключ.

— Какой?

— Которого нет.

Рид посмотрел на связку.

— Потерял.

— Когда?

— Сегодня.

— Где?

— Если бы знал, не потерял бы.

— От чего он был?

— Я уже сказал: несессер.

— Несессер вы показали другим ключом.

На секунду Рид замолчал. Маленькая пауза. Не признание.

— Вы хорошо смотрите.

— Для этого приехал.

— Плохо.

— Для кого?

— Для всех.

Рид прошёл к шкафу и достал коробку с инструментом. Показал маленький дорожный замок. Ключ подходил бы по размеру, но самого ключа не было.

— Довольно?

— Нет.

— Тогда мы обречены.

— Кто делал дубликат?

Рид не удивился.

— Никто.

— В мастерской делали по восковому слепку.

— Тогда не мой.

— Возможно.

— Вы пришли сообщить, что нашли не меня?

— Пришёл посмотреть, как вы отреагируете.

Рид улыбнулся.

— И?

- Вы слишком быстро поняли, о чём речь.
- Потому что вы слишком медленно скрываете интерес.
- Берг вышел. Архип догнал через квартал.
- Ну?
- Знает про дубликат.
- Значит, наш.
- Или умный.
- Снова скучно.
- Умные люди чаще невиновны, чем удобно следователю.
- А виновные?
- Тоже бывают умными.
- Спасибо. Теперь ясно всё.

Ночью он снова прошёл маршрут пакета. Через две стены слышал голос писаря. Старый грек оказался прав в одном: звук действительно уходил по кладке и полостям дальше, чем ожидалось. Рационально.

Потом Берг услышал тихое французское слово:

— Demail.

Завтра. Он быстро проверил соседние комнаты. Никого. Архип прошёл двор.

Никого. Снаружи стоял часовой. Тоже ничего.

В блокноте Берг записал:

«В 23:10 — неустановленный звук, возможно речь. Источник не найден».

Не больше.

Архип сказал:

- А если стена правда говорит?
- Тогда завтра попросим её подписать протокол.
- Наконец юмор.

Ночная акустика дала ещё одну неприятную возможность. Старый канал в кладке соединял не только две комнаты. Каменщик, разбуженный почти в полночь, показал, что полость уходит к бывшему хозяйственному помещению и дальше к коридору, где дежурные оставляли шинели и иногда разговаривали, считая себя одними.

— Построили для шпионов? — спросил Архип.

Грек обиделся.

— Построили сто лет назад.

— Значит, шпионы пришли поздно.

Берг поставил двух людей в разных местах и попросил говорить обычным голосом. Через кладку слова распадались, но цифры и короткие названия проходили удивительно хорошо.

«Семь».

«Юг».

«Утро».

Именно те вещи, которым не требовалась длинная фраза. Архип прислонился к стене.

- Вот вам камень, который помнит.
- Не помнит. Передаёт.
- Для старика разницы нет.
- Для меня есть.

Они нашли место, откуда можно было случайно или намеренно слышать часть разговоров. Но следов постоянного наблюдения не было. Ни табурета. Ни свечного воска. Ни мусора.

- Значит, не использовали?
- Значит, не доказано.

Архип вздохнул. У выхода грек перекрестился на маленький крест в нише и сказал, что раньше в старых зданиях оставляли святые изображения не от акустики, а потому что человек должен помнить: стены могут быть пусты, Бог — нет. Архип посмотрел на Берга.

— Это вы тоже объясните?

— Нет необходимости.

— Наконец.

Берг не верил, что икона охраняла разговоры. Но понял практическую вещь: люди говорили иначе там, где считали себя одни, и иначе там, где чувствовали присутствие свидетеля — хоть живого, хоть небесного. Поведение менялось от самого ощущения наблюдения.

Он записал:

«Наблюдаемый человек меняет себя».

Потом долго смотрел на строку. Если это верно для писаря, верно и для следователя. Юго-восточная курьерская ветвь оказалась особенно удобной для временного доступа к рабочим документам. Не секретным.

Секретные охраняли. Рабочие шли быстро. Именно поэтому были опаснее. Берг составил список точек, где пакет оставался без прямого наблюдения: инженерная комната — шесть минут; двор — от двух до десяти; почтовая комната — до тридцати; переходный стол — пятнадцать; штабная приёмная — неопределённо.

Меншиков, увидев список, сказал:

— Вы расследуете мебель.

— Пока мебель честнее людей.

— И что даст вам этот стол?

— Время доступа.

— Опять время.

— Да.

Князь посмотрел на часы.

— У вас заразительная болезнь.

— Надеюсь.

Перед этим разговором в кабинет вошёл адъютант с донесением о воде и подводах. Он положил лист поверх карты и вышел. Меншиков даже не прочитал сразу. Берг посмотрел.

— Что?

— Ничего.

— У вас это слово всегда означает неприятность.

— На листе указано, куда завтра направить дополнительные бочки.

— И?

— Он лежит открыто.

— В моём кабинете.

— В него только что вошёл адъютант. До него — писарь. Через пять минут войдёт ещё кто-нибудь.

Меншиков раздражённо перевернул лист.

— Теперь довольны?

— Нет.

— Почему?

— Потому что бочки уже едут.

Князь посмотрел на него.

— Вы предлагаете маскировать каждую телегу?

— Нет. Предлагаю перестать считать тайной то, что можно увидеть на дороге.

— Тогда у нас нет тайн.

— Есть. Но они начинаются позже, чем мы думаем.

Меншиков некоторое время молчал.

— Если вы правы, войну надо вести без дорог, воды и людей.

— Или понимать, что противник тоже умеет смотреть.

Меншиков сообщил, что на юге союзники движутся и скоро придётся заниматься не пакетами, а армией. Берг спросил:

— Кто знает предполагаемые пункты сбора?

— Те, кому положено.

— И вода?

Князь молчал.

— Подводы?

Меншиков посмотрел тяжелее.

— Вы предлагаете перестать поить армию, чтобы не выдать движение?

— Нет. Предлагаю понимать, что вода тоже говорит.

На следующий день Берг вернулся к ключу Рида. Несессер оказался настоящим и пустым от интересного. Рид даже позволил осмотреть после того, как сам предложил.

Архип сказал:

— Он специально дал ключ увидеть.

— Да.

— И мы пришли.

— Да.

— Значит, проиграли.

— Потеряли час.

— Для вас это почти смерть.

Через несколько часов Берг заметил: на связке Рида было уже три ключа. Вчера четыре.

— Какой исчез? — спросил Архип.

— Тот, который он хотел, чтобы мы заметили.

— Значит, настоящий.

— Или снова приманка.

— Я начинаю сочувствовать Риду.

— Почему?

— У него тоже нет шанса вас удовлетворить.

Берг поручил проверить мастерские, где могли сделать похожий латунный ключ. Нашли три. В одной мастер сказал, что недавно делал ключ по восковому слепку для иностранца. Описание подходило Риду. Слишком хорошо. Архип уже хотел идти.

Берг спросил мастера:

— На каком языке говорил?

— По-французски.

Рид говорил по-русски и английски, французский знал плохо.

— Кто видел заказчика?

Подмастерье описал другого человека: высокий, тёмные усы, шрам у виска. Не Рид.

— Имя?

— Назвался Жаком.

Берг записал. Не сделал вывод.

Архип спросил:

— Десэнт?

— Пока нет такого имени.

— Будет?

— Если заслужит.

Они получили первую нитку к человеку, который мог делать ключи, не касаясь самого документа. В тот же день пришли сводки с других театров. На столе у Меншикова лежал короткий лист о Балтике. Другой — о действиях неприятельских кораблей на северных берегах. Третий офицер спорил, дошли ли точные вести с Тихого океана или это старые слухи. Архип увидел карту.

- Опять ваши три моря.
- Не мои.
- Войны?
- Да.
- И везде бумаги ходят?
- Медленнее кораблей только там, где нет телеграфа.
- Значит, там легче шпиону?
- Не обязательно. Просто другая скорость.

Берг посмотрел на голубую книжку. Сеть, если она существовала, не обязана была быть одной для всей войны. Но принцип мог быть одинаков: собрать то, что лежит на поверхности, быстрее противника. Утром 8 сентября ему предстояло дать Меншикову доклад к семи. К пяти сорока Берг начал писать.

К шести тридцати восьми закончил. Прямых доказательств одного внутреннего предателя нет. Вероятен временный несанкционированный доступ к рабочим документам с их возвратом в оборот. Особый риск представляют совокупности обычных сведений: время, маршруты, снабжение, количество подвод, вода, смены курьеров.

Thomas Reed требует наблюдения. Значение трёх точек не установлено. Возможна работа нескольких независимых посредников. Следующая задача: установить, кто собирает фрагменты после первичного доступа.

Он перечитал. Зачеркнул слово «независимых».

Написал:

«не обязательно знакомых между собой».

Точнее. В 06:51 за окном кто-то свистнул. Один раз. Потом два.

Архип уже был у окна.

— Внизу никого.

На подоконнике лежал маленький кусок голубого сафьяна.

Под ним бумага:

«Вы ищите бумагу там, где надо искать время».

Три точки. Архип выругался.

— Они знают содержание доклада?

— Нет.

— Тогда?

— Они слышали, какие вопросы я задаю.

Снова не бумага. Поведение. Берг не тронул кусок сразу. Осмотрел подоконник. Следы пыли. Царапина. Нить. Ничего, что объясняло бы, как предмет появился. Окно было приоткрыто. Снаружи — узкий карниз, по которому взрослый человек пройти не мог. Сверху — водосток. Снизу — двор. Архип вышел.

Через пять минут вернулся с мальчишкой.

— Нашёл у ворот.

— Что видел?

Мальчик испугался.

— Ничего.

— Кто дал бумагу?

— Дядька.

— Какой?

— Обычный.

Архип тяжело вздохнул.

Берг спросил:

— Что приказал?

— Бросить в окно камушек и потом бумажку.

— Сколько заплатил?

— Два медяка.

— Где встретил?

— У церкви.

— Когда?

— Сейчас.

— Как говорил?

— По-русски.

— Хорошо?

Мальчик пожал плечами.

— Как вы.

Архип сказал:

— Значит, иностранный агент исключён. Никто не говорит как вы добровольно.

Берг проигнорировал. Мальчик показал направление. У церкви уже никого. На ступенях стояли женщины с свечами. Один инвалид продавал маленькие крестики и образки. Среди них — Георгий, Николай, Богоматерь. Берг спросил продавца о человеке.

Тот никого не запомнил.

— Людей много.

— Кто покупал мальчику поручение?

— Я не знаю.

— Вы смотрите на всех.

— Я смотрю, кто покупает крест. Кто не покупает — мне зачем?

Архип усмехнулся.

— Вот вам канал. Надо было купить крест.

Берг посмотрел на людей у церкви. Скрыться среди верующих было не труднее, чем среди торговцев. Но превращать церковь в «шпионскую точку» только потому, что там передали два медяка, было бы ровно той красивой ошибкой, которой он боялся. Он купил у инвалида маленький медный крест. Архип поднял бровь.

— Вы?

— Для мальчика.

Отдал. Мальчик убежал.

— Почему? — спросил Архип.

— Два медяка он уже получил от другого.

— А крест?

— Пусть хотя бы одна вещь из этой истории не будет платой за сведения.

Архип посмотрел иначе. Ничего не сказал. В 06:58 Берг закрыл папку.

— Что теперь? — спросил Архип.

— Меншиков.

— Потом?

— Рид.

— Потом?

— Юго-восточный маршрут.

— Потом?

Берг посмотрел на три точки.

— Потом выясним, зачем они хотят, чтобы я смотрел именно туда.

К утру город окончательно перестал притворяться спокойным. По улицам шли части. Возчики ругались. В портовых лавках люди пытались купить то, что вчера никому не было нужно. Один торговец поднял цену на свечи, потому что «англичане скоро обрежут масло». Никто не знал, как англичане собираются сделать это с моря, но цена уже выросла.

Архип сказал:

— Вот и разведка.

— Нет.

— Почему?

— Здесь человек использует слух, чтобы заработать.

— А Рид?

— Возможно, то же самое.

— Вы его оправдываете?

— Я не хочу обвинять в одном преступлении человека только потому, что он способен на другое.

У ворот штаба стояла группа солдат. Один рассказывал, что ночью видел над морем странный свет и это знак скорой битвы. Другой уверял, что свет был сигнальным фонарём корабля. Третий говорил, что святой Георгий показал копьем на север.

Архип спросил первого:

— Где видел?

— Над морем.

— Где именно?

— Там.

Он показал половину горизонта. Берг прошёл мимо.

— Не проверим?

— Нет.

— Почему?

— Потому что сегодня у нас есть факты. Нельзя тратить их на борьбу со всеми легендами города.

— А если легенда полезная?

— Тогда вернётся в виде факта.

Меншиков прочитал доклад быстро. На словах «вода, подводки, смены» нахмурился. На Риде задержался. На трёх точках усмехнулся.

— Вы так и не решили, подписать это или нет.

— Нет.

— А неизвестный решил, что вы смотрите на время.

— Да.

— Значит, он умнее?

— Он знает, что хочет показать. Я ещё не знаю, зачем.

Меншиков встал и подошёл к карте.

— Сегодня к Альме.

Берг посмотрел. Севернее Севастополя.

— Когда?

— Сейчас.

— Почему?

— Потому что союзники идут.

На карте были обозначены дороги, вода, позиции, пункты сбора. Берг увидел уже знакомое. Не секретный приказ. Следы намерения.

— Кто видел подготовку? — спросил он.

Меншиков раздражённо повернулся.

— Берг, армия не может двигаться незаметно от собственных ног.

— Я знаю.

— Тогда что вы хотите?

— Посмотреть, можно ли прочитать наше движение раньше приказа.

Князь молчал.

Потом сказал:

— Семь ноль-ноль. Вы получили доклад. Теперь получите войну.

Меншиков задержал Берга ещё на несколько минут. Показал карту северных дорог. Не планы боя — только движение обозов, распределение воды, места, где усиливали переправы и где ожидали части.

— Смотрите, — сказал князь. — Вот ваша несекретная армия. Что из этого увидит неприятель?

Берг ответил не сразу.

— То же, что вижу я. Если будет смотреть достаточно долго.

— Значит, скрыть нельзя.

— Можно менять скорость, время, часть маршрутов. Но главное — понимать, что видимо.

— Это звучит как совет человеку надеть штаны, потому что его могут увидеть.

— Иногда именно такие советы забывают.

Меншиков хмыкнул.

— На Альме у вас будет возможность проверить.

— Я не военный наблюдатель.

— Сегодня будете всем, кто не мешает.

Он дал Бергу пропуск и добавил:

— К семи завтра хочу знать не философию, а можно ли из наших движений понять, где мы встанем.

— Можно.

— Уже знаете?

— Знаю, что вопрос правильный.

— Ненавижу Петербург.

— Это взаимно.

Меншиков посмотрел, потом неожиданно засмеялся.

— Идите. Пока я не передумал насчёт разумности.

В коридоре Берг увидел голубой штабной пропуск у молодого адъютанта. Цвет почти совпадал с сафьяном. Он попросил посмотреть. Адъютант удивился, но дал. Материал другой, оттенок другой, назначение очевидное. Ещё одна красивая связь исчезла.

Архип спросил:

— Жалко?

— Нет.

— Врёте.

— Немного.

— Вот. Уже человек.

Перед выходом из штаба они прошли мимо иконы в углу приёмной. Под ней лежала записка с именами офицеров, которых просили помянуть. Писарь, тот самый, что вчера путал курьеров, остановился на секунду и перекрестился. Потом вернулся к журналу и снова ошибся строкой. Берг подумал, что вера не делает человека точнее. И не обязана. Точность была его работой. Архип ждал у двери.

— Ну?

— Альма.

— Это где?

— Узнаем.

Перед выходом Берг задержался у стены, за которой ночью прошёл чужой голос. Старый грек сказал: слово возвращается тому, кто умеет слушать. Матрос сказал: бумага ходит быстрее человека. Первое Берг почти объяснил акустикой.

Второе перестало быть преданием вообще. Но французское слово ночью осталось без источника. Он оставил его необъяснённым. Пока.

А голубой сафьян положил не в руку. В папку. Ремень — через плечо. Архип увидел.

— Учитесь?

— Чему?

— Освобождать руки.

Берг посмотрел.

— Просто удобнее ехать.

— Конечно.

Они вышли к лошадям.

У крыльца стоял тот же старый матрос, с которым Архип говорил утром. Он увидел седла и спросил:

— На север?

— Да.

— К Альме?

Берг остановился.

— Откуда знаете?

Матрос удивился.

— Все знают.

— С каких пор?

— С ночи.

— Кто сказал?

— Не помню.

Архип тихо выругался.

Берг спросил:

— Что именно знают?

— Что туда воду гонят, обозы, часть моряков. Что дорогу чинят. Значит, туда и люди.

Никакого приказа матрос не видел. Никакого шпиона не называл. Просто сложил четыре наблюдения. Берг посмотрел на подводы у ворот.

— А неприятель?

Матрос пожал плечами.

— Если у него глаза есть, тоже узнает.

Это было неприятно именно потому, что звучало просто. На площади прошёл священник с походной сумкой. За ним два солдата несли складной крест для полевой службы. Один из них споткнулся, выругался, потом тут же перекрестился, будто оба действия относились к разным частям его жизни. Архип заметил взгляд Берга.

— Опять люди портят ваши аккуратные категории?

— Да.

— Привыкайте.

Берг посмотрел на северную дорогу. Где-то впереди была река с названием, которое он ещё не знал. Там армия должна была встать раньше, чем противник дойдёт до Севастополя. А здесь, у штаба, движение уже рассказывало о будущем всем, кто умел смотреть.

Он открыл блокнот и написал одну строку:

«ПРИКАЗ МОЖЕТ БЫТЬ СЕКРЕТНЫМ. ПОДГОТОВКА — НЕТ».

Архип прочитал.

— Вот это я понимаю. Коротко.

— Не привыкайте.

За воротами уже двигались подводы с водой. Одна повозка остановилась из-за сломанной чеки. Пока возчик ругался, к нему подошёл торговец, спросил, далеко ли гонят воду.

— К северной дороге.

— К какой?

— К Альме, говорят.

Торговец кивнул и пошёл дальше. Архип посмотрел на Берга.

— Брат?

— За что?

— За любопытство.

— Тогда начнём с вас.

— Наконец порядок.

Через несколько минут тот же торговец уже спорил у лавки о цене овса. Никакого тайного связного. Никакого знака. Возможно, вечером он перескажет услышанное брату. Брат — соседу. Сосед — человеку, который действительно кому-то докладывает. А возможно, всё умрёт через час. Берг отметил только время разговора.

— Зачем? — спросил Архип.

— Чтобы потом сравнить, если это вернётся к нам.

— А если не вернётся?

— Тогда вычеркну.

— Много вычёркиваете?

— Недостаточно.

У выезда из города их обогнал молодой офицер. На седле у него висела синяя папка. Берг посмотрел и сразу отвернулся. Архип заметил.

— Лечитесь.

— От чего?

— От голубого.

— Есть прогресс.

— Какой?

— Не остановил.

Война снова рассказывала о себе раньше штабного приказа. На последнем повороте Берг оглянулся на Севастополь. Синие папки, голубой сафьян, три точки, стены, которые проводят звук, Рид с исчезнувшим ключом — всё осталось позади только географически. В расследовании ничего не осталось позади.

Архип спросил:

— Опять думаете?

— Да.

— О Риде?

— Нет.

— О точках?

— Нет.

— Тогда о чём?

— Кто первый увидит Альму: мы или тот, кто уже считает наши подводы.

Архип поправил ружьё.

— Тогда поехали быстрее.

— Нет.

— Почему?

— Потому что скорость уже один раз рассказала обо мне слишком много.

Архип посмотрел с уважением, которое тут же испортил:

— Учитесь медленно.

У дороги снова ударили колокола. Не сигнал. Обычная утренняя служба. Берг отметил это про себя именно потому, что после ночного свиста и трёх точек мозг уже хотел превращать любой повтор в код. Он заставил себя не делать этого. Пока колокол оставался колоколом, а дорога — дорогой. И только человек у далёкого перекрёстка слишком долго смотрел им вслед. Архип заметил первым. Не остановились. На этот раз Берг заметил следом. Позже.

ГЛАВА 3

ЯБЛОЧНАЯ РЕКА

8 сентября Берг вошёл к Меншикову без трёх минут семь. Князь уже был одет. На столе лежала карта. Рядом — вчерашний доклад Берга. На краю стола стояла чашка, к которой никто не прикасался.

— Вовремя.

— Стараюсь.

— Сегодня это особенно полезно.

Меншиков ткнул пальцем в карту.

— Союзники идут.

Берг посмотрел. Севернее Севастополя. К реке Альме.

— Сколько времени?

— Мало.

— Мне?

— Всем.

На карте были нанесены позиции, дороги, переправы, места, где предполагалось сосредоточить части. Но Берг теперь смотрел не на условные знаки войск. На то, что шло к ним раньше. Подводы. Вода. Фураж.

Ремонт дорог. Полевая почта.

— Вчера я просил вас сказать, можно ли прочитать наше движение раньше приказа, — сказал Меншиков.

— Можно.

— Уже проверили?

— Матрос у штаба назвал Альму до того, как я получил распоряжение.

Князь нахмурился.

— Откуда?

— По воде и обозам.

— Матрос теперь у нас стратег?

— Нет. Поэтому хуже.

Меншиков подошёл к окну.

— Что вам нужно?

— Доступ к хозяйственным ведомостям за последние два дня. И человек, который знает, какие изменения внесли ночью.

— У меня армия идёт к бою.

— Поэтому ведомости сейчас говорят громче.

Князь раздражённо позвал адъютанта. Через двадцать минут Берг уже сравнивал четыре совершенно обычных документа: ведомость подвод, распределение воды, дорожные работы и временные пункты сбора. Ни один не был секретным. Ни один не содержал плана битвы.

Но маршруты сходились. Подводы тянулись к одним дорогам. Воду увеличивали там же. Ремонтировали мостки. Меняли пункты выдачи. Переносили фураж ближе к северному направлению. По отдельности — хозяйство. Вместе — движение армии.

Архип вошёл без стука.

— Генерал пишет приказ ночью, прячет в папку, ставит печать. А потом сто человек утром показывают его смысл телегами.

Берг посмотрел. Именно.

— Запишите, — сказал Архип.

— Уже.

— Моё имя?

— Нет.

— Тогда зачем я стараюсь?

* * *

Название реки Берг услышал от татарина-проводника уже в дороге.

— Альма.

Архип ехал рядом.

— Что значит?

— Яблоко.

— Не похоже.

Старик-татарин пожал плечами.

— Ни одна река не обязана быть похожей на своё имя.

Он рассказал местную байку: если год тяжёлый, яблоки падают зелёными; если война идёт — люди тоже.

Берг спросил:

— Давно говорят?

— Мой отец говорил.

— Его отец?

— Не знаю.

— Значит, не древнее.

— Вам древнее надо? Тогда ищите у писарей.

Архип сказал:

— Искали. Там хуже.

Старик засмеялся. Дорога шла через сады. Яблоки действительно попадались на земле — зелёные, побитые, иногда раздавленные колёсами. В обычный день Берг не заметил бы. После рассказа замечал каждое. Это раздражало.

— Вот как работает легенда, — сказал он.

— Как?

— Сначала тебе дают смысл. Потом глаз сам ищет подтверждение.

Архип посмотрел на яблоко под копытом.

— А если подтверждение настоящее?

— Тогда оно всё равно не доказывает смысл.

— С вами невозможно жить.

— Мы не живём.

— Это я уже понял.

У костра два греческих добровольца спорили об Ифигении и Тавриде. Один утверждал: чужак приходит в Тавриду и думает, что знает, зачем, а местные знают раньше, чем закончится дорога. Второй говорил, что Ифигения вообще к Альме отношения не имеет и первый просто хочет произвести впечатление на русских.

Берг спросил:

— А к Альме это какое имеет отношение?

— Никакого, — ответил второй.

Хороший ответ. Потому Берг запомнил. Первый грек обиделся.

— Всё имеет отношение, если война.

— Это тоже удобный принцип, — сказал Берг.

Архип усмехнулся.

— Скоро вас перестанут звать к кострам.

* * *

До позиции они добрались к полудню. Русский полковник принёс Бергу французскую карту, снятую с убитого или тяжело раненного офицера в одной из первых стычек. Карта была рабочая, не парадная. Дороги. Колодцы. Переправы. Русские пункты, изменённые только два дня назад. Карту обновляли. Но не идеально. На западном участке был отмечен старый брод, который после недавних дождей почти исчез. Один колодец стоял не там, где его перенесли. Возле другой дороги русская временная стоянка была нанесена точно, хотя существовала меньше суток.

Берг позвал местного проводника и заставил его пройти по карте пальцем.

— Это верно?

— Было.

— Когда?

— Два дня назад.

— Это?

— Вчера.

— А это?

Старик усмехнулся.

— Если туда пойдут, ноги сломают.

Архип наклонился.

— Значит, у них разные времена на одной бумаге.

— Да.

— Кто-то сообщает быстро, кто-то поздно.

— Или карту сводят из нескольких источников.

— Уже сеть?

— Уже возможность нескольких каналов.

Берг написал на отдельном листе:

«Свежесть сведений неодинакова».

Это означало, что карту нельзя считать продуктом одного наблюдателя. Один человек, даже очень удачно расположенный, не мог одновременно знать перенос временного пункта воды, старый брод и русские дорожные работы в другом секторе.

— Или мог, если ездил, — сказал Архип.

— Тогда ему понадобилось бы время.

— Опять.

— Да.

Они попробовали восстановить минимальную цепь. Человек у дороги видит подводы. Возчик слышит название пункта. Писарь знает время выдачи. Кто-то переносит три сведения на карту. Не обязательно все знают друг друга. Но где-то данные должны сойтись. Берг не записал слово «сойтись». Оно показалось слишком красивым.

Пока. Берг положил рядом русские ведомости. Совпадения были неприятными.

— Они не знают приказ, — сказал Архип.

— Может быть.

— Но знают, куда мы двигаем хозяйство.

— Да.

— Значит, приказ им и не нужен.

Берг провёл пальцем по карте. Некоторые сведения могли быть получены наблюдением. Дорогу видно. Обоз видно. Колодец никуда не спрячешь. Другие требовали хотя бы доступа к разговорам или документам: временный пункт выдачи воды, перенесённый ночью; новое число подвод; ремонт небольшой переправы.

— Сколько времени нужно, чтобы обновить такую карту? — спросил он полковника.

— Если есть люди — несколько часов.

— А доставить?

— Смотря откуда.

Время снова. Не содержание.

Берг записал на полях:

«Карта неполная. Ошибки есть. Значит, источник не всеведущ».

Это было важно. Сеть, если она существовала, видела много. Не всё.

* * *

Документы русского полковника попытались забрать через час. Посыльный пришёл с распоряжением. Печать. Подпись. Формулировка. Всё выглядело правильно. Берг попросил подождать.

— Почему? — спросил полковник.

— Автор распоряжения где?

— В штабе дивизии.

— Далеко?

— Достаточно.

Посыльный начал нервничать.

— Мне приказано доставить немедленно.

— Кем?

Назвал фамилию. Берг проверил через адъютанта. Через двадцать минут пришёл ответ: такой приказ не подписывали. Посыльный исчез раньше ответа. Архип выругался.

— Надо было взять.

— Да.

— Почему не взяли?

— Хотел увидеть, куда пойдёт.

— И?

— Увидели, что он не глупее нас.

Распоряжение осталось. Берг посмотрел не на подпись. На бумагу. Старая. Русская. Из канцелярского запаса.

Водяной знак правильный для официальных бумаг прежних лет. Чернила свежие. Формуляр скопирован почти точно. Подпись перенесена с другого документа или воспроизведена хорошей рукой.

— То есть предатель в канцелярии? — спросил полковник.

— Нет.

— Бумага русская.

— Бумага могла попасть наружу десятком способов.

— Подпись?

— Образец мог быть старым.

— Тогда что доказывает?

— Что кто-то знает, как выглядит наша бумага.

Он записал:

«Противник имеет доступ не только к сведениям, но к образцам канцелярской работы».

Архип заглянул.

— Опять бумага.

— Да.

— Руки заняты?

Берг переложил распоряжение в сумку через плечо.

— Нет.

Архип ничего не сказал.

* * *

Один из греков пришёл сам. Он видел двуязычного человека: сначала тот говорил с французами, потом с русским возчиком. Спрашивал о воде — почему две бочки ушли не туда. Описание не совпадало с Ридом. Высокий. Тёмные волосы. Усы. Говорил по-французски свободно, по-русски с лёгким акцентом. Носил гражданскую одежду, но держался как военный.

— Шрам? — спросил Берг.

Грек подумал.

— Может быть у виска.

Архип посмотрел.

— Жак?

— Возможно.

— Тот, что заказывал ключ.

— Возможно.

— Уже два возможно.

— Поэтому не три.

Грек не понимал, но Архип засмеялся. Другой человек. Опять не один. Или тот же посредник в разных местах.

Пока неизвестно. Берг поставил описание рядом с Ридом. Не объединил.

* * *

Перед боем солдаты становились религиознее и суевернее одновременно. На краю сада маленький походный образ Георгия стоял на ящике из-под патронов. Перед ним кто-то поставил огарок свечи. Рядом другой солдат привязал к ветке красную нитку — «от дурного глаза», как объяснил Архип. Берг посмотрел на крест и нитку.

— Одновременно?

— Человеку под пушкой места хватает для всего.

Священник прошёл вдоль строя. Кто-то крестился. Кто-то стоял неподвижно. Один молодой солдат после благословения сразу спросил товарища, правда ли французы не стреляют в человека с иконой.

Товарищ ответил:

— Проверишь.

Священник услышал.

— Не проверяй Бога глупостью.

Архип тихо сказал:

— Уже второй умный священник.

— Второй?

— В часовне была старуха.

— Она не священник.

— Тем более.

Берг запомнил фразу: не проверяй Бога глупостью. Не потому что собирался использовать в отчёте. Потому что в расследовании была похожая опасность — проверять красивую гипотезу чужой жизнью.

* * *

До первого серьёзного огня у Берга оставался час, который он потратил на путь одной телеги. Повозка с водой должна была пройти к левому участку. В ведомости — одно время. У возчика — другое. На временной дощечке у развилки — третье.

— Кто менял?

Возчик пожал плечами.

— Сказали здесь.

— Кто?

— Офицер.

— Какой?

— С усами.

Архип посмотрел вокруг на несколько сотен усатых офицеров.

— Примета сильная.

Берг проверил пост. Никакого приказа менять время не было. Повозка задержалась случайно — сломалась ось у другой телеги, перегородив дорогу.

— То есть три времени без шпиона, — сказал Архип.

— Да.

— Полезно.

— Очень.

Случайность могла выглядеть как чья-то рука, если следователь слишком хотел руку увидеть. Через полчаса похожий эпизод оказался уже не случайным. Другой возчик получил точное указание свернуть к запасному колодцу. Человек, который передал, назвался штабным. Описание: тёмные усы, гражданское пальто поверх военной рубахи, говорит по-русски чуть слишком правильно. Двуязычный человек? Возможно.

Берг приказал не задерживать повозку и поставил наблюдателя у запасного колодца. Через час там появился неизвестный. Не подошёл к воде. Посмотрел, сколько телег пришло, и ушёл. Архип хотел взять.

— Нет.

— Опять?

— Если возьмём, узнаем одного наблюдателя. Если проследим — возможно, следующий узел.

Проследили недолго. Неизвестный растворился среди людей, когда началась стрельба.

— И что получили? — спросил Архип.

— Что он считал, а не портил воду.

— Мало.

— Но точнее.

Битва началась громко и быстро. Берг не командовал войсками. Он видел войну сбоку. Русские позиции на высотах. Река внизу. Сады. Пыль. Дым. Союзные колонны. Артиллерия. Сначала отдельные выстрелы. Потом уже невозможно было различить один от другого.

Союзники форсировали Альму и поднимались на высоты. Русские части меняли положение. Приказы запаздывали. Кто-то не понимал. Кто-то понимал поздно. Кто-то делал всё правильно и всё равно отходил. Берг оказался рядом с дорогой, по которой шли раненые и боеприпасы одновременно. Одна повозка застряла. Две следующие остановились. Через минуту вся линия снабжения на этом участке превратилась в пробку. Офицер орал на возчика. Возчик орал на лошадь. Лошадь не интересовалась стратегией. Архип спрыгнул и вместе с двумя солдатами вытолкнул колесо из колеи.

— Вот ваша система, — сказал он, вытирая руки. — Одно колесо.

Берг смотрел на остановившиеся телеги. Если неприятель видел это сверху, ему не требовалась ни одна бумага, чтобы понять: снабжение задержалось. Через несколько минут союзная артиллерия перенесла часть огня в сторону дороги. Возможно, совпадение. Возможно, наблюдение. Доказать нельзя. Берг записал только время.

Архип заметил.

— Уже не пишете «они увидели».

— Нет.

— Лечитесь.

Позже русская рота получила приказ, который уже устарел к моменту доставки. Посыльный приехал туда, где подразделение полчаса как ушло. Он ругался, словно рота сделала это ему назло.

— Сколько шёл приказ? — спросил Берг.

— Двадцать пять минут.

— Решение когда принято?

— Ещё раньше.

Снова время. Информация могла быть абсолютно правильной и всё равно стать ложью из-за опоздания. То же относилось к французской карте. То же — к слухам. То же — к разведке. В этот момент Берг впервые подумал не о том, кто знает, а о том, когда знание перестаёт быть полезным.

Мысль была важной. Но слишком ранней, чтобы он понял насколько. Берг не собирался притворяться, что понимает всю битву. Зато один кусок понимал. Противник заранее знал достаточно о русской логистике, чтобы лучше читать намерение.

Не победить вместо армии. Не решить всё. Получить преимущество. Он увидел это в мелочи.

Русская батарея меняла позицию. Ещё до того как орудия тронулись, к новой точке пошли лошади и зарядные ящики. На другом берегу союзный наблюдатель в трубу следил именно за этим движением.

— Смотрите, — сказал Берг Архипу.

— Вижу.

— За пушками?

— За телегами.

Они оба замолчали. Вот оно. Не бумага. Поведение системы.

* * *

В какой-то момент по дороге побежал мальчишка-посыльный с пакетом. Снаряд ударил рядом. Мальчик упал. Пакет отлетел в пыль. Берг был ближе. Он бросился. Сначала к человеку.

Потом к бумаге. Мальчик оказался оглушён, плечо рассечено осколком земли или камня. Жив. Архип подбежал.

— Пакет.

— Возьмите.

Архип поднял. Посыльный открыл глаза.

— Донести надо.

— Донесём, — сказал Берг.

— Срочно.

— Знаю.

Он передал мальчика санитару. Только потом забрал пакет у Архипа. Архип посмотрел.

— Что?

— Ничего.

— Опять ваше ничего.

— Моё.

Берг положил пакет в сумку, а не в руки.

* * *

Во второй половине дня он увидел двуязычного человека снова — или человека, слишком похожего на описание. Тёмные усы. Гражданское пальто. Высокий. Тот стоял возле разбитой телеги и говорил сначала с русским возчиком, потом с пленным французом.

Архип тихо сказал:

— Берём.

— Ждём.

Человек спросил у возчика, откуда пришла вода. Не сколько осталось. Не качество. Откуда и когда. Потом уточнил, почему одна часть телег ушла к другому саду. Берг двинулся. Человек заметил слишком поздно, но не побежал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.